

ской монодии и, по-видимому, развивалась во взаимодействии с ней. Историческая элегия в Армении продолжала существовать в XVI и XVII вв.¹⁴ Поэтому если монодия как специфическая разновидность византийской литературы исчезает вместе с падением империи, то соответствующий литературный жанр в более широком смысле продолжал жить и в последующие столетия.

Проблеме славянской письменности посвящено выступление чехословацкого историка И. Курца «Византийско-славянская основа в «Житиях» Константина и Мефодия (Характеристика кирилло-мефодиевской эпохи)»¹⁵. Докладчик в первую очередь выясняет факторы, обусловившие широко распространение церковнославянского языка и церковнославянской культуры. «У славян, принявших ортодоксальную веру, — говорит автор, — это была прежде всего принадлежность к византийскому христианству и к византийской церковной организации» (S. 121). «В качестве следующего фактора действовала при этом государственная организация» (там же). Этому содействовали общие жизненные условия славянских народов, географические и экономические отношения, «одним словом, все условия национальной и международной жизни» (S. 122). Большое значение придает автор церковнославянскому языку, широко распространенному среди славянских народов и понятному славянам. Включение в орбиту культурного влияния Византии давало значительные возможности для развития национальной культуры славян, чего они были бы лишены в системе «римского централизма» (S. 122—123).

Говоря о церковнославянском языке, докладчик не отмечает исторических особенностей его формирования, расцвета и упадка. «Он был действительно своим, повсеместно понятным и всеми признанным инструментом, — пишет он об этом языке времени Константина и Мефодия, — он имел общеславянский характер и остался единым также в более поздние эпохи» (S. 122). Этот язык оказывается как бы внеисторическим явлением как раз для эпохи своего формирования. «В основу переводов Константина и Мефодия лег, конечно, хорошо знакомый им солунский славянский диалект»¹⁶, — писал Л. Якубинский. В IX в. диалектные местные новообразования ограничивались отдельными территориями и не распространялись на обширные пространства¹⁷. Только в дальнейшем, в особенности в произведениях учеников Кирилла и Мефодия, церковнославянский или старославянский язык, обогащаясь словами других славянских языков, отрывается от своей солунско-македонской основы и получает общеславянский характер.

Поставив вопрос о византийско-славянской основе в «Житиях» Константина и Мефодия, И. Курц выдвинул ту важную проблему, которая уже изучается историками разных стран, в том числе македонскими.

Затем докладчик обращается к вопросу об отношениях восточной и западной культуры, точнее зрения на Запад, выраженной в «Житиях». Он считает заблуждением видеть глубокую противоположность византийской и западной культуры IX—X вв. «В действительности, — говорит И. Курц, — мы еще не можем представить себе византийскую культуру той эпохи без связи с культурой Запада». В заключение своего доклада чехословацкий ученый делает следующий вывод: «Это было время, когда связь и взаимная деятельность Запада и Востока еще не были прерваны, когда противоречия еще могли быть преодолены и сглажены, время, которое в определенной степени представляет синтез обоих направлений». Выступление И. Курца отличается разносторонним подходом к рассматриваемой теме¹⁸.

* * *

Одной из сложнейших проблем византийского искусства посвящено выступление Л. Рихтера «Вопросы позднегреческо-византийской музыкальной теории. Исследование византийской музыки». Докладчик характеризует историографию проблемы и указывает при этом на несостоятельность точки зрения (А. В. Амброс), оценивающей византийскую музыку как явление упадка (S. 18). Он указывает на то, что если к настоящему времени изданы многие произведения византийской музыки, раскрыты и разработана система нотных знаков, то совсем мало исследованы произведения византийских музыкальных теоретиков (S. 190). Историк-музыковед и обращается к этой малоизученной теме.

¹⁴ П. М. Хачатрян. Средневековые армянские исторические элегии (XIV—XVII вв.). Автореф. канд. дисс. Ереван, 1966.

¹⁵ J. Kurz. Der Byzantinoslavische Hintergrund in der Vita Constantini und der Vita Methodii (Charakteristik der Kyrillomethodischen Epoche), S. 121—137.

¹⁶ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 83. См. также: М. Malecki. Najstarszy literacki język slowian. Kraków, 1947, str. 22 in.

¹⁷ Ф. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 226.

¹⁸ Хорошо зная богатую научную литературу о Кирилле и Мефодии, опубликованную в Чехословакии, автор использует далеко не всю болгарскую литературу; см.: А. Паунова, А. Кирмагова. Кирилл и Методий. Библиография на българската литература. София, 1963.